

**ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ СЕРБОВ И ХОРВАТОВ В
НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ К.Я. ГРОТА¹**

Т. С. Ковыльникова

Статья посвящена первому научному исследованию выдающегося историка-слависта, члена-корреспондента Академии наук К. Я. Грота – студенческому сочинению «Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове».

Ключевые слова: славяноведение, история южных славян, история западных славян, историография.

Первым научным исследованием историка-слависта, члена-корреспондента Академии наук Константина Яковлевича Грота (1853–1934) стала конкурсная студенческая работа. По воспоминаниям историка, «в феврале 1875 г. В. И. Ламанский... задал несколько интересных разнородных по славистике тем на соискание наград (медалями)... Нам доставлена была возможность серьёзно испытать свои силы в научной работе и выявить свои данные и способности к дальнейшим научным достижениям». Сочинение нужно было представить к началу 1876 г. Грот выбрал тему, посвящённую свидетельствам Константина Багрянородного о южных славянах «с критической проверкой важнейших комментариев к нему». «С чрезвычайным рвением и увлечением я взялся за этот труд, который впервые ввёл меня в сферу и процесс научного исследования и дал вкусить все наслаждения ещё молодого, робкого и неуверенного, но всё же самостоятельного научно-литературного творчества, и усидчиво проработал над ним все десять месяцев до конца года», – вспоминал впоследствии историк². В. И. Ламанский, профессор Санкт-Петербургского университета, в отзыве на труд ученика писал: «При всех промахах и недостатках этого сочинения, объясняемых и трудностью предмета, и молодостью автора, и свойствами его таланта, эта, конечно, юношеская, но истинно учёная работа составляет в высшей степени приятное явление, свидетельствуя об основательном и внимательном изучении источника и довольно обширной его литературы. Автор проявил в своём труде такое чистое усердие и любовь к

¹ Рецензент – научный руководитель докт. ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета И. Г. ВОРОБЬЁВА.

² Грот К. Я. На пути к моим славянским изучениям (Из воспоминаний о 60-х и 70-х годах) // Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее – СПФ АРАН). Ф. 281. Оп. 1. Д. 128. Л. 21–22.

науке, такую точность и осторожность усвоенных им приёмов, ровность и выдержанность в работе, такую умственную трезвость и рассудительность, что русская учёная литература и славистика безбоязненно, кажется, могут рассчитывать на него, как на одного из своих будущих вполне основательных исследователей»³.

Сочинение оказалось настолько удачным, что было удостоено золотой медали и опубликовано «с необходимыми поправками и дополнениями» в IX томе «Записок Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии» в 1880 г.⁴

Это событие положило начало многолетней дружеской переписке К. Я. Грота с А. К. Жизневским (1819–1896), одним из основателей Тверского музея, первым председателем Тверской губернской учёной архивной комиссии, давним корреспондентом и хорошим приятелем всего семейства Гротов⁵. Он проявил живой интерес к первой книге молодого учёного и получил её в подарок со словами: «Я давно уже собирался засвидетельствовать моё глубочайшее к Вам уважение поднесением Вам моей книжки». В Научной библиотеке Тверского государственного университета хранится экземпляр монографии К. Я. Грота с дарственной надписью: «Августу Каземировичу Жизневскому в знак искреннего и глубокого уважения от автора». Особое впечатление на А. К. Жизневского произвело посвящение книги «Дорогим родителям посвящает свой первый труд глубокопризнательный автор»: «... учёные были и будут; но я верю, что из Вашей семьи должны были выйти люди высокочестных убеждений». Несомненно, для начинающего исследователя было очень важно признание и поддержка одного из виднейших научных и общественных деятелей того времени. А. К. Жизневский писал: «Я приступил к чтению Вашей интересной книги, о которой могу сказать, что по ясности изложения она читается легко и с удовольствием»⁶.

Публикация студенческого сочинения имела большое значение в творческой биографии К. Я. Грота, став мощным стимулом для продолжения его научной деятельности. Специальной работы, в которой давалась бы комплексная оценка монографии К. Я. Грота, его исследовательских методов и взглядов в области ранней сербской и хорватской истории, не было. Можно отметить книги обобщающего характера, в которых сочинение Грота упоминается в ряду других трудов по истории южных славян⁷, а также специальные исследования, посвящённые творчеству Константина

³ Протоколы заседаний совета Императорского Санкт-Петербургского университета за первую половину 1875–1876 года. СПб., 1876. С. 105.

⁴ Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове. Историко-этнографическое исследование. СПб., 1880.

⁵ Воробьёва И. Г., Штыков Н. В. Славист К. Я. Грот и исследователь Тверского края А. К. Жизневский (по данным переписки) // Славянский альманах. 2008. М., 2009. С. 153.

⁶ Там же. С. 157–158.

⁷ Славяноведение в дореволюционной России. М., 1988. С. 246, 301.

Багрянородного и хорватской истории, где монография встречается в историографическом обзоре или в списке литературы⁸. Краткая характеристика студенческого сочинения К. Я. Грота и оценка его вклада в развитие исторической мысли содержится в монографии известного российского славяноведа Л. П. Лаптевой «История славяноведения в России в XIX в.». В частности, она отметила очень тщательный источниковедческий анализ, проделанный К. Я. Гротом: «... в литературе не было аналогов столь скрупулёзного изучения византийского источника о славянах»⁹.

Появившаяся вскоре после публикации труда К. Я. Грота рецензия Т. Д. Флоринского¹⁰ позволяет наглядно представить историографическую ситуацию, в которой оказался славист, и более полно охарактеризовать его научные достижения.

Отметим, что Т. Д. Флоринский – ученик В. И. Ламанского – выбрал такую же тему для своего первого научного исследования и тоже был удостоен золотой медали¹¹. То есть он был «в теме», поэтому его публикация «Константин Порфирородный как писатель о южных славянах перед судом новейшей критики» хотя называлась рецензией, на самом деле – это самостоятельное исследование, включающее подробный историографический обзор и собственные аргументированные суждения по многим спорным вопросам.

Кратко остановимся на самом византийском памятнике, ставшим объектом исследования молодых учёных. Традиционно сочинение «Об управлении империей» приписывается императору Константину VII Багрянородному (908–959) и датируется 948–952 гг. Оно было практически неизвестно современникам, так как изначально создавалось как руководство по управлению империей для юного наследника престола, будущего Романа II (959–963). Изучение трактата как в отечественной, так и в зарубежной науке началось только в Новое время.

Впервые полное русское издание памятника было осуществлено Гавриилом Александровичем Ласкиным (1863–1902), историком Византии, членом-сотрудником Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, и опубликовано с его предисловием в «Чтениях» Общества истории и древностей Российских (ЧОИДР) в конце XIX в.¹²

Впоследствии несколько раз издавались отдельные фрагменты трактата «Об управлении империей» с незначительными пояснительными приме-

⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, перевод и комментарий под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 461.

⁹ Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 691–692.

¹⁰ Флоринский Т. Д. [Рец. на кн.] Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах // Журнал министерства народного просвещения. 1881. № 3. С. 139–170; № 6. С. 300–332.

¹¹ Грот К. Я. На пути к моим славянским изучениям. Л. 22.

¹² Ласкин Г. Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio) // Чтения в Обществе истории и древности Российских. 1899. Ч. I.

чаниями. Наиболее известным среди них является перевод В. В. Латышева и Н. В. Малицкого¹³.

В начале 1980-х гг. по инициативе сотрудников Института истории СССР АН СССР и Института славяноведения и балканистики АН СССР В. Т. Пашуто и Г. Г. Литаврина в рамках продолжающегося издания «Древнейшие источники по истории народов СССР» началась подготовка нового перевода¹⁴. В 1989 г. вышла публикация сочинения, которая содержала греческий текст, перевод, обширный комментарий, хронологическую таблицу, две карты – «Географическая номенклатура сочинения «Об управлении империей»» и «Византийская империя во второй половине X в.», а также указатели личных имён, географических и этнических названий и технических терминов¹⁵. В 1991 г. книга была переиздана.

Публикация даёт представление об эпохе, когда было создано сочинение Константина, об авторе (авторах), об источниках, на которых оно основывалось, об организации работы над ним, о его главных идеях и о значении труда как исторического источника и памятника литературы. Предложенный советскими исследователями комментарий дополняет лондонский, затрагивая иные сюжеты и реалии. В частности, авторы ограничиваются самыми краткими примечаниями по странам арабского Востока, западно-европейским странам и самой Византийской империи, зато большое внимание уделяют главам памятника, содержащим свидетельства о Северном Причерноморье, Кавказе, Восточной и Центральной Европе и о народах Балканского полуострова (преимущественно славянских). Заметим, это именно те аспекты, которые находились в центре внимания К. Я. Грота. Автор вводной статьи академик Г. Г. Литаврин не стал включать в неё раздел об исследовании труда Константина в дореволюционной России, посчитав, что разбор архаичных работ утяжелит публикацию и уведёт в сторону. Однако фамилия К. Я. Грота и ссылка на его монографию встречается в библиографическом указателе, составленном В. К. Рониным, с весьма важным примечанием: «В указателе включены только те источники и литература, которые составители комментария используют неоднократно»¹⁶. Это означает, что даже более ста лет спустя студенческое сочинение совсем ещё юного исследователя не потеряло своей научной актуальности и значимости. Заметим, что работа Т. Д. Флоринского в данном указателе отсутствует.

Цель своего исследования К. Я. Грот сформулировал следующим образом: «Определить научную ценность сочинения Константина “Об управле-

¹³ Латышев В. В., Малицкий Н. В. Сочинение Константина Багрянородного «Об управлении государством» // Известия государственной академии истории материальной культуры. 1934. Вып. 91.

¹⁴ Литаврин Г. Г. Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. Прил.

¹⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

¹⁶ Там же. С. 458, 461.

нии империей” и важность заключающихся в нём свидетельств о южных славянах»¹⁷. В соответствии с нею ставились две задачи: 1) критический разбор свидетельств Константина Багрянородного; 2) выявление источников византийского историка и определение их достоверности. Таким образом, пользуясь современной научной терминологией, можно сказать, К. Я. Грот предполагал работу прежде всего источниковедческого характера.

Напомним, что первый полный русский перевод «Об управлении империей» появился только в 1899 г., т. е. К. Я. Грот пользовался греческим оригиналом источника. В распоряжении молодого исследователя имелись только некритические издания текста, что значительно осложняло работу. О невысоком качестве Боннской публикации «Об управлении империей»¹⁸ упоминал в своей рецензии Т. Д. Флоринский. Однако для К. Я. Грота, имевшего отличное знание классических языков, это не стало большой проблемой. По собственным воспоминаниям, он ещё до поступления в университет на протяжении двух лет успешно обучался древним языкам дома, под руководством специально приглашённого из Чехии Ос. А. Шемборы¹⁹. О качестве выполненного К. Я. Гротом перевода может свидетельствовать тот факт, что им впоследствии пользовался Г. А. Ласкин: пропущенный в тексте 29-й главы отрывок он заменил вставкой, предложенной Гротом²⁰.

К. Я. Грот обращался и к другим средневековым памятникам, например к хронике архидиакона Фомы Сплитского, составленной на латыни в XIII в.²¹

Не менее сложной исследовательской задачей стало выявление возможных источников, находившихся в распоряжении византийского автора. К. Я. Грот выделил в первую очередь устные рассказы и народные предания. Среди письменных источников помимо документов, указанных самим Константином (хронографа Феофана, трудов Аполлодора, Артемидора, Парфения, Диониза, Харакса), К. Я. Грот допускал наличие отчётов и донесений, в том числе и византийских послов, стратигов и других чиновников в провинциях, заложников, купцов и чужеземцев-путешественников, официальные акты, договоры²². Однако молодой исследователь не дал ни классификации, ни внешней критики предполагаемых источников византийского автора, более того, не приводил никаких доказательств и аргументов в пользу своих предположений.

К. Я. Грота интересовала информация о славянах, содержащаяся в трактате Константина. С этой целью он исследовал не только данные 29–

¹⁷ Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного... С. 12.

¹⁸ Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Imm. Bekker. Bonn, 1840.

¹⁹ Грот К. Я. На пути к моим славянским изучениям. Л. 10, 13, 14.

²⁰ Ласкин Г. Указ. соч. С. 106.

²¹ Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного... С. 51.

²² Там же. С. 14–15, 18.

36-й глав, специально посвящённых истории сербов и хорватов, но и все отрывочные известия из 5, 8, 9, 12–13, 22, 28, 37–38, 40–42, 49–51-ой глав, а также факты из других сочинений Константина («Жизнь Василия» и «О церемониях Византийского двора»). Выявленные свидетельства Грот разделил на три группы: «1) чисто исторические, 2) географические, т.е. описание их жилищ, и 3) бытовые»²³.

Не касаясь «русских и северных славян», К. Я. Грот структурировал свидетельства Константина Багрянородного следующим образом:

1. Далмация до поселения хорватов и сербов, далматинские (приморские) города.
2. Первоначальные жилища хорватов и сербов (Белохорватия и Белосербия) и их переселение.
3. Хорваты в VII – X вв.
4. Сербы в VII – X вв.

Кроме того, в приложении приводились свидетельства Константина о болгарях, пелопонесских и иллирийских славянах, а также перечни хорватских, сербских и болгарских князей.

Справочный аппарат исследования обширен. К. Я. Грот знал труды многих отечественных и зарубежных авторов. Он цитировал сочинения по истории, географии, этнографии изучаемого региона: Й. Микоци, Д. Фарлати, И. Маркуардта (J. Marquardt), Ст. Новаковича, П. Й. Шафарика, В. И. Ламанского и др. Из специальных изысканий, посвящённых свидетельствам Константина Багрянородного, встречаем труды А. Бандури, А. П. Зернина, Ф. Рачкого, П. Касселя, А. Рамбо, И. Лучича, Э. Дюмлера. К. Я. Грот упоминал монографию Ф. Гирша, с сожалением отмечая, что не имел к ней доступа²⁴. Осведомленность К. Я. Грота в историографии вопроса показывают обширные подстрочные комментарии.

Заметим, что в рецензии Т. Д. Флоринского назван тот же круг публикаций. Выпускники Санкт-Петербургского университета К. Я. Грот и Т. Д. Флоринский были хорошо осведомлены об имевшейся к тому времени научной литературе и использовали в своих изысканиях все доступные им материалы русских, сербских, хорватских, немецких, итальянских учёных.

Необходимость специального изучения трудов Константина Багрянородного, по мнению Т. Д. Флоринского, состояла в том, что ряд исследователей (Фр. Рачкий, М. С. Дринов, И. Н. Смирнов) заявляли о несостоятельности Константина как историка, этнографа, о невежественности его как писателя и, наконец, о недостоверности его свидетельств, не подтвержденных данными других источников: «... большинство известий Константина Порфирородного прямо отвергаются как “сказки, не заслуживающие ни

²³ Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного... С. 21.

²⁴ Там же. С. 9.

малейшего доверия»²⁵. Это новое направление в историографии пришло на смену прежнему абсолютному признанию авторитета Константина (например, у П. Й. Шафарика, А. Рамбо). К. Я. Грот выступал защитником сочинения византийского императора и свой труд характеризовал как выступление «против крайнего скептицизма славянских ученых Рачкого и Дринова»²⁶. Современная отечественная литература рассматривает эту работу в рамках дискуссии с представителями скептического направления, в частности, с М. С. Дриновым²⁷. Правда, в исследовании Грота мы не найдём чётко сформулированной задачи пересмотра или опровержения заявлений сторонников так называемого «скептического» направления. Более того, судя по весьма противоречивой характеристике Константина как писателя, представленной Гротом во введении, он и сам находился под влиянием их идей.

С одной стороны, молодой историк высоко оценивал Константина Багрянородного как литератора и подчёркивал важность его трактата «Об управлении империей» для изучения ранней истории южных славян: «Это произведение нашего писателя может по справедливости считаться наиболее им обработанным и вместе с тем наиболее драгоценным. Да и не удивительно: он писал его в последнее десятилетие своей жизни, когда ум и способности его достигли высшей степени зрелости»²⁸. Особенности сочинения византийского императора К. Я. Грот объяснял, во-первых, его предназначением: «... автор отнёсся бы к своей работе строже и тщательнее, если б имел в виду не одну поучительную цель»²⁹. Во-вторых, совершенно иными представлениями о сочинении историко-этнографического и географического характера – то время ещё не знало критического метода в работе с источниками³⁰. Именно поэтому, упоминая ошибки Константина, Грот заключил: «Их нельзя не подвергать строгой критике; но от неё ещё очень далеко до совершенного скептицизма и того отрицательного отношения к известиям Константина, в какое впал в новейшее время один почтенный славянский учёный»³¹.

С другой стороны, доверительное отношение к свидетельствам венечного историка сочеталось в работе К. Я. Грота с весьма скептическими высказываниями в его адрес: «... Степень достоверности его источников не всегда определяется достоверность его показаний»³², – писал исследователь. И развивая далее эту мысль, представлял совсем не лестную характеристику Константина-писателя: «... случалось, что он сам неисправно пе-

²⁵ Флоринский Т. Д. Указ. соч. С. 141.

²⁶ Грот К. Я. Curriculum Vitæ // Электронный ресурс. URL: <http://www.ostrov.ca/kgrot/cv.htm>

²⁷ Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 692.

²⁸ Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного... С. 12.

²⁹ Там же. С. 11.

³⁰ Там же. С. 14.

³¹ Там же. С. 15.

³² Там же. С. 14.

редавал и путал то, что слышал»; «... по всему видно, что он не мастер справляться с тем материалом, которым располагает, и в этом отношении, можно сказать, весьма бестолков...»; «действительно, оказывается, что историк он был в сущности весьма посредственный, несмотря на свои учёные замашки археолога, этнографа, этимолога и т.д.»; «... царствует полная авторская бестолковость и неумелость»³³. Со ссылкой на работу Фр. Рачкого Грот привёл в качестве примера ошибки Константина по тем вопросам, «о которых он не мог не иметь удовлетворительных известий»³⁴. Таким образом, историк признавал право за скептицизмом и тут же совершенно неожиданно заключал, что всё перечисленное «не умаляет литературных заслуг Константина и не отнимает у его трудов значения драгоценных источников для истории и этнографии»³⁵.

Отмеченные противоречия Т. Д. Флоринский назвал «крупной странностью»: «Признаёмся откровенно, мы решительно недоумеваем, как может быть драгоценным историческим источником писатель, который отличается “полною авторской бестолковостью”...»³⁶. Указывая ряд слабых мест в рецензируемой работе, таких, например, как неполнота и недоделанность некоторых её частей, где автор либо вообще не разъяснил, либо очень кратко рассмотрел отдельные свидетельства Константина, Т. Д. Флоринский важнейшим недостатком исследования Грота считал слабо обоснованную и не жёсткую критику «скептиков». Значение труда Грота Флоринский сформулировал следующим образом: «Систематический, подробный разбор целого ряда свидетельств царственного историка, веденный автором с полным знанием дела, по строго научным приёмам, с большею осторожностью в выводах, до некоторой степени подрывает крайний скептицизм новейших толкователей Константина в отношении к некоторым из его показаний и *отчасти* восстанавливает доверие к разбираемому источнику»³⁷ (выделено курсивом Т. Д. Флоринским. – Т. К.). В рецензии Т. Д. Флоринский аргументировано опровергал высказывания о научной несостоятельности Константина Багрянородного, о «путании» и «искажении» им материала.

Совершенно справедливо историк замечал: «С одной стороны, г. Грот, по-видимому, находится под влиянием сомнений, навеянных на него г. Рачким и другими скептиками, проверку которых он не решился взять на себя, с другой же – самостоятельное изучение некоторых свидетельств Константина привело его к убеждению в авторитетности этого византийца как писателя о славянах»³⁸.

³³ Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного... С. 15–16, 18.

³⁴ Там же. С. 15.

³⁵ Там же. С. 15.

³⁶ Флоринский Т. Д. Указ. соч. С. 143, 146.

³⁷ Там же. С. 142.

³⁸ Там же. С. 146.

Т. Д. Флоринский отметил неуверенность К. Я. Грота, его недостаточную чёткую позицию в спорном, дискуссионном вопросе, имевшем решающее значение в раскрытии цели исследования – определении научной ценности сочинения Константина и важности его свидетельств о южных славянах.

Возможно, указанное противоречие возникло из-за не проработанной до конца историографической части студенческого сочинения. Литература, из которой учёный брал фактический материал, не была классифицирована и разбита по направлениям, что вызвало определённую путаницу в оценках и взглядах.

В современной историографии не исключается достоверность некоторых сведений Константина Багрянородного по ранней сербской и хорватской истории. «Он, безусловно, был самым образованным среди венценосцев Македонской династии, превосходя в этом даже своего отца Льва VI, не говоря уже о деде, сыне и внуке, но значительно уступал таким своим современниками, как, например, патриарх Николай Мистик»³⁹. В то же время многие критические замечания, высказанные К. Я. Гротом, находят отклик в новейших исследованиях: «Образование Константина VII не было, по всей вероятности, систематическим. Латыни он не знал. Познания его в истории были также относительны»⁴⁰; «... склонность к анахронизмам и слепое доверие к первоисточникам были в то время обычной позицией писателя, а не особым свойством, присущим только Константину»⁴¹.

Т. Д. Флоринский, рецензируя сочинение К. Я. Грота, заключил: «... в разбираемой новой книге мы имеем и свод всех свидетельств Константина о сербах и хорватах, и посильный самостоятельный разбор их, и оценку результатов, добытых предшественниками автора в области исследуемого предмета. Ничего подобного до сих пор не было в литературе»⁴². Л. П. Лаптева особо отметила методику построения материала в монографии К. Я. Грота, при которой «все сведения, разбросанные по разным частям сочинения, сосредоточиваются в одном месте, а затем даётся оценка их – как собственная авторская, так и других исследователей»⁴³.

Важное научное значение студенческого сочинения К. Я. Грота заключалось в том, что он не просто собрал воедино все свидетельства Константина Багрянородного о славянах, но и комментарии к ним, попытался сформулировать все проблемные, дискуссионные вопросы, существовавшие в литературе, сопоставил различные интерпретации этих свидетельств. Что же касается собственной авторской позиции, то, несмотря на очень тщательный источниковедческий анализ, проделанный К. Я. Гротом, она

³⁹ Литаврин Г. Г. Введение // *Константин Багрянородный. Об управлении империей*. М., 1989. С. 16.

⁴⁰ Там же. С. 16.

⁴¹ Там же. С. 22.

⁴² Флоринский Т. Д. Указ. соч. С. 143.

⁴³ Лаптева Л. П. Указ. соч. С. 692.

так и осталась нечёткой, не до конца определённой. Рассматривая спорные вопросы, Грот чаще всего принимал какую-то из уже существующих в литературе точек зрения, а выдвигая собственные предположения, пытался объединить различные, нередко противоречащие друг другу подходы.

В качестве примера рассмотрим изложение вопроса о появлении славян на Балканском полуострове, с которого К. Я. Грот начал своё исследование. В соответствии с рассказом Константина Багрянородного (главы 29–31), южные славяне переселились в Иллирик в VII в. из-за Карпат, из так называемых Белой Сербии и Белой Хорватии. На полуострове они встретили племена авар, вытеснили их и, заключив соглашение с императором Ираклием (610–641), сами заселили эти земли. На тот момент, когда Грот писал своё сочинение, уже очень чётко обозначились две историографические традиции (не отмеченные исследователем, зато очень подробно охарактеризованные Флоринским), по-разному оценивающие повествование Константина: историки, считавшие рассказ Константина в основе своей верным (например, П. Й. Шафарик), и «скептики», которые отвергали и господство аваров в Иллирике, и их столкновение со славянами, и переселение последних из-за Карпат именно в царствование Ираклия, и собственно их договор с византийским императором. Сторонники этой концепции (Фр. Рачкий) не допускали существования Белой Сербии и Белой Хорватии и заявляли о том, что завоевания славянами Балканского полуострова началось задолго до Ираклия, было длительным и постепенным⁴⁴. Источником таких сомнений послужила 29-я глава сочинения Константина Багрянородного, где авары отождествлялись со славянами и разрушение ими Салоны было отнесено к 449 г., когда ни об аварах, ни о славянах на полуострове не могло быть речи. Этим спорным вопросам К. Я. Грот посвятил первые две части своей работы.

Пытаясь объяснить противоречия 29-й и 30-й глав трактата, в которых Константин по-разному повествовал о взятии далматинского города Салоны и путал или отождествлял авар со славянами, Грот привёл различные точки зрения: славяне в своих действиях против империи часто были союзниками аваров (И. Лучич); смешение двух совершенно инородных племен легко объясняется соединением в одно разных известий (Е. Дюммлер); «такой промах неудивителен, так как Константин был вообще слабый этнограф» (Фр. Рачкий). В конечном итоге Грот принял мнение П. Й. Шафарика, признавая факт завоевания Салоны именно аварами, «в сообществе с которыми, впрочем, могли быть и придунайские славяне»⁴⁵. Но в то же время К. Я. Грот продолжал сомневаться в осведомлённости византийского писателя: «Константин почерпал свои известия об этих событиях из различных источников, и зная из сочинений византийских историков о частых вторжениях каких-то варваров, которых то называют аварами, то славяна-

⁴⁴ *Константин Багрянородный. Об управлении империей.* С. 111–141, 361–378.

⁴⁵ *Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного...* С. 34–36.

ми, пришёл к выводу о их тождестве и под этим впечатлением писал свою 29-ю главу. Но после, подвергнув свой рассказ более тщательной отделке, в главе 30-й он не решился повторить свою догадку. Впрочем не невероятно и то, что он, компилируя свой труд из разных источников, нашёл два различные рассказа об этом событии, то есть, о занятии Далмации варварами, и без всякой критики поместил их рядом (может быть – из добросовестности)⁴⁶. По мнению Т. Д. Флоринского, такую «добросовестность» вполне можно считать «бестолковостью»: «... в представлении г. Грота Константин Порфирородный является каким-то хаотическим, бестолковым писателем; на одной странице он может говорить одно, а на другой – другое, совершенно противоположное первому...»⁴⁷. Таким образом, Т. Д. Флоринский, в своём стремлении защитить автора «Об управлении империей» не обратил внимания на временные напластования в тексте Константина Багрянородного. В то время как К. Я. Грот, не имея ни возможности провести палеографическое исследование, ни достаточного опыта научной работы, сумел их увидеть и описать в своём студенческом сочинении.

Некоторые тёмные вопросы, как, например, упоминание в 29-й главе 449 г., Грот оставлял без комментариев: «Эта ошибка, по мнению учёных, могла быть сделана как переписчиками, так и самим писателем», «исправить её по недостатку данных очень трудно, и потому, нам кажется, следует совершенно оставить в стороне это сбивчивое показание при определении времени занятия Далмации аvaraми»⁴⁸.

Современные исследователи допускают возможность отождествления византийскими авторами аваров и славян (например, у Иоанна Эфесского, в Монеувасийской хронике). В комментарии к 29-й главе трактата Константина Багрянородного О. А. Акимова отмечала: «Подобное смешение имело под собой историческое основание: господство аваров над славянами в Аварском хаганате, совместные набеги аваров и славян начиная с последней трети VI в. на византийские провинции Балканского полуострова»⁴⁹. Рассказы о нападении на Салону отражали историческую реальность – стремительное нападение, оттеснение романского и романизированного населения Далмации к морю. При этом до сих пор не установлена точная дата падения Салоны, большинство исследователей относит его к 612–615 гг.⁵⁰

Рассмотренные сюжеты показывают, что исследование К. Я. Грота внесло определённый вклад в развитие отечественного византиноведения, славяноведения, источниковедения. Монография, представлявшая обзор и попытку критического анализа существующих на тот момент комментариев к сочинению Константина Багрянородного, имела и важное историогра-

⁴⁶ Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного... С. 35.

⁴⁷ Флоринский Т. Д. Указ. соч. С. 159.

⁴⁸ Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного... С. 39–40.

⁴⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 362.

⁵⁰ Там же. С. 363.

фическое значение. Заметим, что этот аспект не был отражён в заглавии и во введении книги, практически не затрагивался в отзывах на неё, однако присутствовал в названии темы студенческого сочинения Грота («с критической проверкой важнейших комментариев к нему»⁵¹) и в полной мере проявился в самой работе. Освещение К. Я. Гротом различных фактов и событий, а также данная им оценка трактата «Об управлении империей» как исторического источника не противоречат современным исследованиям в этой области.

«Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове» стало первым квалификационным исследованием молодого учёного, которое показало высочайший уровень профессиональных знаний, умений и навыков выпускника историко-филологического факультета, блестящее владение методами источниковедческого анализа, отличную лингвистическую подготовку, свободное владение как древними, так и современными языками. Хорошая осведомлённость студентов в области как классических, так и новейших отечественных и зарубежных научных трудов свидетельствует о высоком качестве университетского преподавания. Всё это позволяет судить о развитии историко-филологического направления в петербургской славистике, возглавляемого В. И. Ламанским, и его школы, из которой вышли такие выдающиеся учёные, как К. Я. Грот, Т. Д. Флоринский, Н. В. Ястребов, С. Л. Пташицкий и многие другие.

Литература:

- Воробьёва И. Г., Штыков Н. В.* Славист К. Я. Грот и исследователь Тверского края А. К. Жизневский (по данным переписки) // Славянский альманах. 2008. М., 2009. С. 153.
- Грот К. Я.* На пути к моим славянским изучениям (Из воспоминаний о 60-х и 70-х годах) // Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 281. Оп. 1. Д. 128. Л. 21-22.
- Грот К. Я.* Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове. Историко-этнографическое исследование. СПб., 1880.
- Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.
- Ласкин Г.* Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» (De thematibus) и «О народах» (De administrando imperio) // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1899. Ч. I.
- Латышев В. В., Малицкий Н. В.* Сочинение Константина Багрянородного «Об управлении государством» // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1934. Вып. 91.
- Литаврин Г. Г.* Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. Прил.

⁵¹ *Грот К. Я.* На пути к моим славянским изучениям. Л. 21–22.

Литаверин Г. Г. Введение // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

Флоринский Т. Д. [Рец. на кн.] Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах // Журнал министерства народного просвещения. 1881. № 3, 6.

T. S. Kovyl'nikova

**PROBLEMS OF SERBS AND CROATS EARLY HISTORY IN THE
SCIENTIFIC WORK OF K. J. GROT**

Summary

The article is devoted to the first research work of the outstanding Slavonic scholar, a corresponding member of the Academy of Sciences K. J. Grot. His student essay «Konstantin Bagrjanorodny's information about Serbs and Croats and their moving on the Balkan peninsula. The historico-ethnographical research» became a landmark in his scientific biography. It visually demonstrates the high standard of education of the Saint-Petersburg University historico-philological faculty graduate and characterizes the scientific school of V. I. Lamansky.

Keywords: Slavonic studies, History of Southern Slavs, History of Western Slavs, Historiography.
